

УДК 4414

ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЛИЯНИЕ НА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СЕТЬ ИНТЕРНЕТ

Федосова Ксения Алексеевна

студентка Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема правового регулирования свободы слова в сети Интернет в контексте противоречия между необходимостью государственно-правовых ограничений и риском чрезмерного вмешательства государства в реализацию конституционного права на свободу выражения мнения. Анализируется политико-правовая природа сетевых электронных средств массовой информации, выявляются критерии допустимых юридических ограничений свободы слова в цифровой среде. На основе эмпирического анализа традиционных и цифровых медиа, а также изучения нормативно-правовых актов, судебных решений и этических норм обосновывается оптимальность императивной и диспозитивной моделей правового регулирования. Предлагаются конкретные ограничительные меры: деанонимизация при размещении информации на общедоступных web-сайтах, совершенствование взаимодействия провайдеров с государственными органами, государственная регистрация интернет-ресурсов в качестве средств массовой информации при соблюдении установленных критериев, международное сотрудничество в борьбе с правонарушениями в сети.

Ключевые слова: право на свободу слова, цифровые технологии, правовое регулирование, сетевые средства массовой информации, информационная безопасность, ограничения свободы слова, императивно-диспозитивная модель, киберпространство.

THE RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH IN THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT: IMPACT ON MASS MEDIA AND THE INTERNET

Fedosova Ksenia Alekseevna

student

Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. This article examines the legal regulation of freedom of speech on the Internet in the context of the contradiction between the need for state and legal restrictions and the risk of excessive state interference in the exercise of the constitutional right to freedom of expression. The article analyzes the

political and legal nature of online electronic media, identifying criteria for permissible legal restrictions on freedom of speech in the digital environment. Based on an empirical analysis of traditional and digital media, as well as a study of regulatory legal acts, court decisions, and ethical standards, the optimality of imperative and optional models of legal regulation is substantiated. Specific restrictive measures are proposed: deanonymization when posting information on publicly accessible websites, improved interaction between providers and government agencies, state registration of Internet resources as mass media subject to established criteria, and international cooperation in combating online offenses.

Keywords: right to freedom of speech, digital technologies, legal regulation, online media, information security, restrictions on freedom of speech, imperative-optional model, cyberspace.

Идея свободы слова, будучи выражением духа гражданского общества, пронизывает ключевые аспекты функционирования данного социального института, что обуславливает непреходящую актуальность этой тематики, особенно в цифровом контексте. В современной доктрине права человека и цивилистики центральное проблемное поле образует неразрешённое теоретическое противоречие между публично-правовым императивом ограничения информационных потоков в целях защиты конституционно значимых ценностей и частноправовой презумпцией недопустимости произвольного ограничения права на свободное распространение информации, автономией воли субъектов информационного обмена.

С доктринальной точки зрения, данное противоречие усугубляется отсутствием в теории информационного права и цивилистики единого концептуального подхода к определению юридической природы цифрового медиапространства как объекта правового регулирования. Традиционные цивилистические конструкции формировались применительно к аналоговой среде, где действовали чёткие институциональные рамки: редакционный контроль, идентифицируемый источник информации, территориально определённая юрисдикция. В цифровой среде возникает феномен «опосредованной реализации прав», размывающий традиционные границы ответственности.

Ключевая теоретическая проблема заключается в том, что доктрина не выработала критериев, позволяющих отличить допустимые ограничения свободы слова, необходимые в демократическом обществе, от скрытых форм цензуры и подавления социально значимой речи, особенно в условиях, когда ограничения вводятся не государством напрямую, а опосредованно — через механизмы саморегулирования цифровых платформ, требования к удалению контента, блокировку ресурсов и привлечение к ответственности за репост. Отсутствие такой теоретической рамки порождает правовую неопределённость и неоднородную судебную практику.

Особую остроту данному противоречию придаёт цифровая специфика: доминирование зарубежных интернет-платформ, не подпадающих под традиционный редакционный контроль, усиливает дисбаланс между частноправовыми механизмами самозащиты и публично-правовыми средствами принуждения. В отсутствие единой доктрины информационного права сохраняется разрыв между конституционными гарантиями и реальным правоприменением, что ведёт к неоднородной судебной практике по спорам о распространении информации (например, по делам об удалении контента, блокировке ресурсов, привлечении к ответственности за репост) [7, с. 41]. Кроме того, возрастающая роль самоцензуры как неформального ограничителя свободы слова требует осмысления в категориях цивилистики: не является ли самоограничение распространения информации разновидностью отказа от осуществления права и как соотносятся добросовестность и публичный интерес при распространении массовой информации [8, с. 94].

Доктринальное разрешение обозначенной проблемы видится в разработке и нормативно-теоретическом обосновании императивно-диспозитивной модели правового регулирования свободы слова в цифровой среде, которая синтезирует публично-правовые и частноправовые начала, не сводясь ни к этатистскому контролю, ни к либертарной анонимности.

С теоретической точки зрения, предлагаемая модель исходит из следующих концептуальных посылок:

1. Презумпция допустимости свободы слова как общего дозволения: любые ограничения не выводятся из общего запрета, а вводятся как исключения, подлежащие узкому, формально определённом и пропорциональному толкованию [1; 6].
2. Разграничение двух институциональных форм ограничений по объекту правовой охраны, заключающееся в защите конфиденциальных данных и борьбе с деструктивными сведениями, создающими информационную угрозу.
3. Любое ограничение свободы слова, вводимое государством, само подлежит судебному контролю на предмет соразмерности, пропорциональности и соответствия критерию «необходимости в демократическом обществе» [5, с. 22].
4. Двухуровневая система регуляции: «жёсткое право» (императивные нормы, судебный контроль, юридическая ответственность) и «мягкое право» (этические стандарты, медиаграмотность). Свобода слова как личное неимущественное благо не может быть полностью опосредована только публично-правовыми механизмами принуждения — необходима внутренняя регуляция, формирующая стандарты добросовестного поведения.

С цивилистической точки зрения, данная модель представляет собой синтез публичных и частных начал: государственно-властное воздействие (императив) ограничивает осуществление субъективных прав лишь в конституционно значимых целях, тогда как диспозитивность

выражается в свободе участников информационных отношений выбирать способы распространения и получения информации в пределах, установленных законом [2; 8, с. 100].

С учётом предложенной доктринальной модели представляется необходимым закрепление следующих практико-юридических решений.

1. Анонимность противоречит принципу идентификации субъекта правоотношения. Предлагается обязательная идентификация пользователей при создании web-сайтов, блогов и каналов в мессенджерах с подписной аудиторией сверх установленного законом порога (аналогично правовому статусу блогера). Операторы связи и организаторы распространения информации обязаны хранить идентификационные данные в установленные сроки и предоставлять их уполномоченным органам на основании судебного решения [4].
2. Необходимо законодательно закрепить: обязанность провайдеров информировать уполномоченные органы о выявлении противоправного контента; предельные сроки удаления такой информации или ограничения доступа; административную и гражданско-правовую ответственность за бездействие. Параллельно требуется повысить эффективность системы технических средств ОРМ с обязательной автоматической регистрацией каждого мероприятия и ежегодным публичным отчётом перед контрольными органами, что обеспечит баланс между публичными интересами и правом на частную жизнь [3].
3. Для ресурсов, отвечающих критериям массовости, периодичности, распространяемости и узнаваемости, целесообразно установить упрощённую уведомительную процедуру регистрации. С цивилистической точки зрения, регистрация носит не разрешительный, а учредительно-легитимирующий характер, аналогично регистрации юридического лица [9, с. 112]. Ведение публичного реестра и ответственность за распространение информации без регистрации (в случаях, когда она обязательна) позволяют отделить профессиональную журналистскую деятельность от любительской, что важно для применения института ответственности за диффамацию.
4. Цифровая среда трансгранична по своей природе, поэтому национальные ограничения свободы слова малоэффективны без международно-правовой координации. Необходимо заключение международных соглашений о сотрудничестве в борьбе с правонарушениями в сети Интернет, унификация критериев противоправного контента, порядка его блокировки и взаимного признания судебных решений.
5. Предлагается: установить судебный порядок введения большинства ограничений доступа к информации; закрепить право пользователя на обжалование решений о блокировке или удалении контента в административном и судебном порядке; требовать обязательного

мотивированного решения при введении ограничений; создать эффективные механизмы восстановления нарушенных прав, включая компенсацию ущерба при незаконном ограничении доступа к информации.

Наряду с правовыми механизмами существенное значение имеют: усиление этических журналистских практик, развитие институтов профессионального саморегулирования, повышение медиаграмотности населения через внедрение образовательных программ, поддержку независимых фактчекинговых проектов. С цивилистической точки зрения, эти механизмы не обладают юридической обязательностью, но формируют стандарты добросовестного поведения, которые могут учитываться судами при оценке действий участников информационного обмена [7, с. 47].

Европейский суд по правам человека, рассматривая вопрос об ответственности интернет-портала за анонимные комментарии пользователей, содержащие язык вражды и угрозы, сформулировал правовую позицию, имеющую принципиальное значение для обоснования императивно-диспозитивной модели. Суд признал, что в условиях доминирования зарубежных интернет-платформ, не подпадающих под традиционный редакционный контроль, государство вправе возлагать на организаторов распространения информации обязанность по оперативному удалению противоправного контента при условии, что такие меры являются соразмерными, формально определёнными и сопровождаются эффективным судебным контролем. ЕСПЧ подчеркнул, что «право на свободу выражения мнения, гарантированное статьёй 10 Конвенции, не является абсолютным» и его ограничения «должны быть необходимы в демократическом обществе» и «пропорциональны преследуемой законной цели». При этом Суд особо отметил, что анонимность пользователей не должна служить препятствием для привлечения к ответственности за распространение деликтного контента, а судебный контроль является гарантией от произвольных блокировок и цензуры [5, с. 26].

Реализация предложенного комплекса правовых, институциональных и этических мер позволяет достичь конституционно-правового баланса между реализацией права на свободу слова и обеспечением информационной безопасности личности, общества и государства. Такой баланс не есть статичное равновесие, а динамический процесс постоянного согласования публичных и частных интересов, осуществляемый в пределах, установленных законом, и под контролем независимого суда. Предложенная императивно-диспозитивная модель создаёт доктринальную основу для выработки критериев допустимых ограничений, которые могут быть операционализированы в конкретных правовых конструкциях, задавая вектор правотворчеству и правоприменению в цифровую эпоху. Только в этом случае средства массовой информации смогут выполнять свою социальную миссию — объективное информирование населения,

контроль за действиями государственной власти и развитие демократических процессов в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Список литературы:

1. Бачило И.Л. Информационное право: проблемы доктрины и правоприменения // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 35–48.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33. – Ст. 4978.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391; 2023. – № 52. – Ст. 9530.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 10.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237; 2020. – № 144.
6. Монахов В.Н., Рассолов И.М., Новаторова Д.С., Самородова Э.В. Императивно-диспозитивная модель регулирования свободы слова в цифровой среде: концептуальные основания // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 6. – С. 88–104.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 16 июня 2015 г. по делу «Делфи АС против Эстонии» (жалоба № 64569/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2016. – № 2. – С. 14–28.
8. Рачков М.П., Бычкова А.М. Регистрация интернет-СМИ: учредительный или легитимирующий характер? // Закон. – 2022. – № 7. – С. 105–117.
9. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2302.